

Непривычно читателям нашего журнала увидеть в рубрике «В поле зрения» отзыв на книгу прозаических миниатюр. Но тут есть простое объяснение: перед нами – проза поэта, проза, наполненная не только поэтическим содержанием, но и формально соответствующая определению «стихотворения в прозе».

Ян Бруштейн – поэт известный, особого представления его имя не требует. Он пользуется уважением профессионального сообщества коллег. У него есть свой преданный читатель. Работал в газетах, на телевидении – был президентом негосударственного медиа-холдинга, преподавал в вузе историю и теорию искусств. Кандидат искусствоведения. В семидесятых активно печатался, в том числе в «Юности» и «Знамени», пока его поэма, опубликованная в журнале «Волга», не была разгромлена в газете «Правда» за «формальные изыски». За этим последовала резкая критика первой книги в местной писательской организации. В итоге замолчал на четверть века. Снова начал сочинять стихи и прозу в 2008 году. Лауреат множества литературных премий, автор десяти книг стихов и прозы. Больше 20 лет живёт в Иванове.

Вот как звучит поистине поэтическая проза Бруштейна:

...вспоминаю, как я впервые попробовал вино. Нет, тот раз, когда я, мелкий первоклашка, в новогодье хватанул с праздничного стола полстакана «водички», оказавшейся славной советской водочкой – он не считается. Да я и не помню своих ощущений – проспал как застреленный почти сутки. Но, поскольку вырос я в благословенном южном городе, где сухого, да и «мокрого», креплёного винишка было хоть залейся, пройти мимо него я никак не мог... В самом прямом смысле. Дело в том, что на углу широкой улицы, стекавшей с горы от Верхнего рынка к Нижнему, рядом с которым я жил, и узенькой, ведущей к нашей маленькой двухэтажной школе, притулился глубокий подвальчик «Пиво и вино». На лестнице без перил, с выбитыми древними ступенями, плавал папиросный дым и кислотовато пахло винным перегаром. Нередко, спускаясь в эту преисподнюю, приходилось перешагивать через дремлющих на холодке завсегдатаев. Царил в чистеньком темноватом подвале немолодой армянин дядя Серёжа. Его безмерное брюхо, охваченное похожим на парус пиратского брига, когда-то белым фартуком, упиралось в стойку. Руки с короткими, толстыми и мохнатыми, как гусеницы-переростки, пальцами всё

время что-то тёрли, переставляли, считали и, конечно, наливали. Кому пиво, кому портяшку, а кому, из-под стойки, и водочки. Тогда мы и не знали, что такой вот дядечка по правильному называется богатым словом «бармен»...

И так далее разворачивается сюжет этой новеллы. Цепкий взгляд поэта, образная метафорическая речь, присущая именно этому автору. Впечатление такое – разбей подобный текст на строки, получится настоящий верлибр. Но не всякий верлибр иных авторов, если лишить его разбивки на стихотворные строчки, сохранит в себе признаки настоящей поэзии, присущей текстам Яна Бруштейна.

Книжка его новелл несёт в себе пласты яркой биографии, в которой столько жизнерадостного, но не менее и печального, горького. Долгий путь жизни доставил автору немало боли, которая передаётся читателю, вызывает читательское сопереживание. Но надо признать, что свойственная еврейскому характеру самоирония преодолевает разные повороты судьбы, в том числе и писательской истории жизни русского поэта Яна Бруштейна. Его память хранит боль потерь, хранит и счастливые эпизоды общения с замечательными людьми.

У этого автора немало почитателей его рассказов о собаке Таше. Это особая часть творчества Бруштейна. Прогулки и «разговоры» Яна Бруштейна с Ташей, превратили Ташу в узнаваемую читателем фигуру, а сам поэт раскрывается, как человек необычайной доброты. Вот хотя бы такая сценка:

Подходит Таша этак к дивану, или к табуретке, взгромождает переднюю половину в нужное место, и начинает поскуливать и кряхтеть – поднимите, мол, бедняжку. И только строгое: «Сама!» – заставляет её, присев и примерившись, запрыгнуть в это самое нужное место. А как мы залезаем в машину – это песня и опупея! Таша ставит на сиденье передние лапки и изображает микропрыжок. Я ловко ловлю её за шкурку костюмчика и швыряю на сиденье. Все счастливы...

И так – день за днём. Эти рассказы-разговоры двоих – Таши и Яна – лучше всего читать всей семьёй, греясь у домашнего очага. А дети и внуки станут главными слушателями подобных уроков добра и милосердия. Если я вас не убедил в том, что проза Яна Бруштейна – это поэзия, то вот вам и, собственно, стихи. Стихи, которые во время совместных прогулок по набережной реки Уводи и отдыха на скамейке, набормотала, как уверяет автор, Таша поэту:

Хорошо по-стариковски
На скамеечке сидеть.
Зимы провожать и вёсны,
Потихонечку сесть,
Привечать знакомых кошек,
Взглядом провожать собак.

Понимать, что мир – хороший,
Но сломался, как-то так...
От прогулки ноют лапы,
Это можно потерпеть.
А ещё – люблю я папу,
Вместе с мамой буду петь.
Выживая, дни листая,
Замечает все следы,
Наша маленькая стая
В окружении беды.

Что тут добавить? Без комментариев...